

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 5403.

Суббота 8-го сентября 1901 г.

№ 5403.

РАЗСВѢТЪ.

Е. Орвича

(Съ польскаго).

(Переводъ Ф. О.)

Въ бѣленькой кроваткѣ, на мягкой подушкѣ, прикрытая вышитымъ атласнымъ одѣяломъ, спитъ двѣнадцатилѣтняя дѣвочка.

Волнистые волосы растрепались и виспадаютъ кольцами на ея розовыя плечики и щечки, раздумившія подобно свѣжій перенкамъ. Раскрытыя губки улыбаются, ручки, сложенныя какъ-бы для молитвы, она подложила подъ голову; маленькая розовая ножка выглядываетъ изъ подъ одѣяла и опирается о желѣзную кроватку, уже, какъ видно, тѣсную для выросшей дѣвочки. Въ углу на полу горѣла лампочка, освѣщая все вокругъ. Пара заблудившихся мухъ, привлеченныхъ свѣтомъ, жужжали около лампочки.

Короткая лѣтняя ночь оканчивалась. Сквозь щели ставень пробивался слабый сѣрый свѣтъ. Съ каждой минутой разсвѣтъ становился бѣлѣе, а лампочка тускнѣла.

Жужжаніе мухъ уступило теперь мѣсто пѣнію птицъ, долетающему изъ сада.

Въ углу комнаты стояла еще одна кровать, настолько непохожая на бѣлую кроватку дѣвочки, насколько спавшая на ней няня Максимовна, на расцвѣтающей бутонъ, свою маленькую воспитанницу Марусю.

Маруся уже два года, со смерти своей матери, имѣла дома учительницу, но та имѣла свою отдѣльную комнату, въ которую всегда запирались послѣ уроковъ.

Максимовна очень была этому рада, она такимъ образомъ не потеряла своего мѣста около своей воспитанницы и попрежнему заботилась о ней съ преданностью старой и вѣрной няньки.

Съ большой крашенной кровати, покрытой массой красныхъ подушекъ, поднялась худая сгорбленная старушка.

Ежедневно, какъ только начинало разсвѣтать, она вставала первая, ее будило всегда пѣніе птичекъ. Медленно и тихо шептала она свои утреннія молитвы, чтобы не разбудить своей воспитанницы.

Всѣ принимаемая для этого предосторожности были совершенно излишни: еслибы даже громъ гремѣлъ, изъ пушекъ стрѣляли, то и тогда не проснулась-бы эта здоровенькая дѣвочка съ щечками, такъ похожими на перенки!.

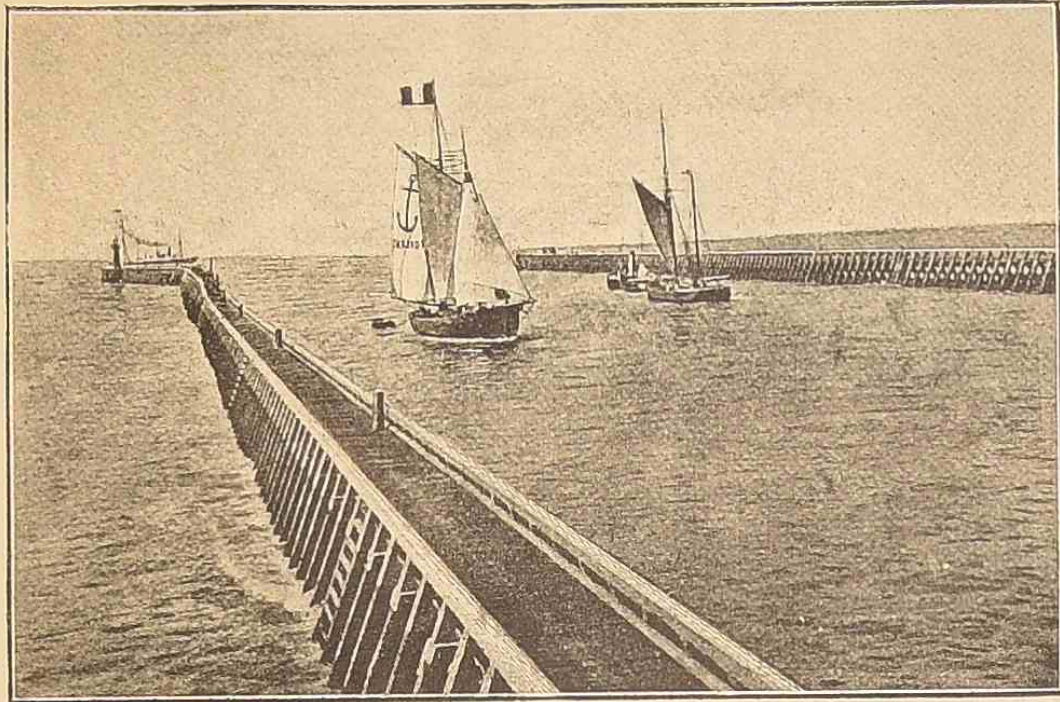
Максимовна старалась осторожно ступать въ своихъ большихъ, какъ лодки, туфляхъ. Она оправдала свою постель, потушила лампочку, нагнулась надъ спящей дѣвочкой, перекрестила ее и долго смотрѣла на нее любящимъ взглядомъ.

Она каждый день все это дѣлала, но вдругъ сегодня дѣвочка проснулась, она быстро обняла шею няньки своими еще теплыми отъ сна ручками и сказала:

— Доброе утро, Максимовна!.. А уже пора вставать?

— Нѣтъ еще, дѣточка, нѣтъ, моя дорогая! Спи себѣ покойно, я только пришла посмотреть, какъ ты сладко спишь. Тебѣ вѣрно что-нибудь приятное снилось, ты улыбалась сквозь сонъ, какъ ангелы на картинкѣ.

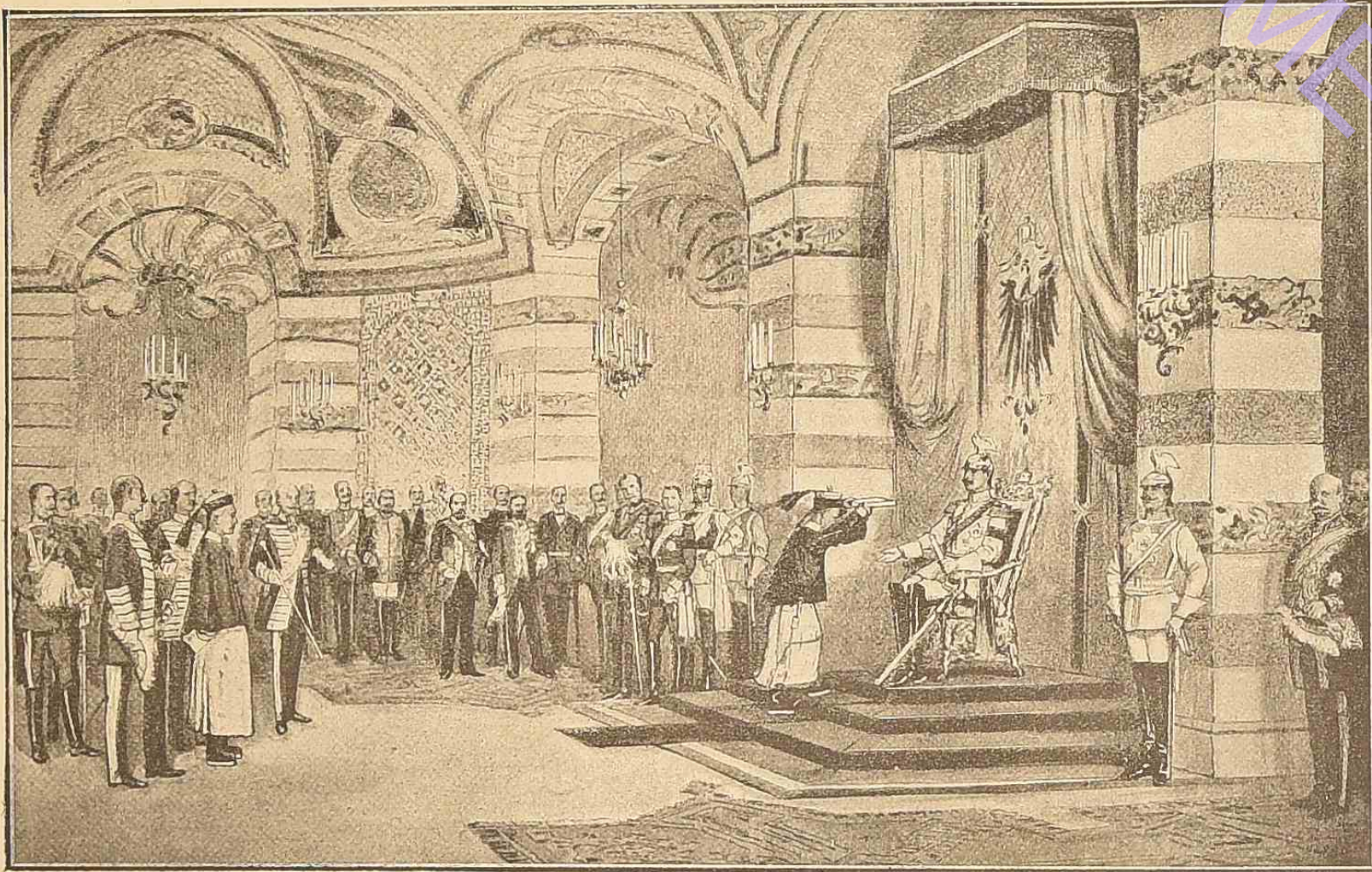
Дѣвочка приподнялась немножко. Рубашка опустилась съ плечика на руку, другой рукой она потянула къ себѣ няню.

Русскіе дни во Франціи.—Входъ въ Дюнкерскую гавань.

Высокопреосвященный Амвросій, архіепископъ харьковскій и ахтырскій † 3 сентября 1901 г.

Китайская искупительная миссія въ Берлинѣ.—Принцъ Чуль передаетъ императору Вильгельму извинительное письмо китайскаго императора.

— Ахъ! еслибы ты, няня, знала, какой прекрасный сонъ я видѣла!..—заговорила она необыкновенно оживленная и довольная. —Мнѣ снилось, что та моя большая кукла, которую, помнишь няня? въ прошломъ году разбилъ Карлуша, и я такъ долго за ней плакала, —такъ эта самая кукла ожила! А какъ она была красива! Ахъ, няничка: какая она была красива! Но это уже не была кукла, это былъ настоящій живой ребеночекъ, котораго я качала и пѣсни ему пѣла!.. И будто-бы это былъ мой ребеночекъ!.. И зубки были!.. Вѣлые, хорошенькіе зубки!.. Няничка, я бы такъ хотѣла имѣть такого ребенка!..—проговорила она, цѣлуя и лаская старушку.

— Фи, Маруся!.. Что это тебѣ въ голову приходитъ. Стыдно барышнѣ такъ говорить, —отговаривалась Максимовна.

— Стыдно??—съ очаровательно наивною спросила удивленная дѣвочка, поднималась на кроваткѣ, какъ-бы лучше желая повѣтъ, что къ ней говорятъ.—А почему это стыдно?..

— Когда я тебѣ говорю, что стыдно такъ значить стыдно!—отвѣтила растерянная нянька.—Что это, ты, Маруся, не знаешь, что значить стыдно, что-ли?

— Знаю, няня, что стыдно дѣлать дурное, но почему стыдно то, что я говорю?.. Еслибы это было стыдно, то никто не имѣлъ-бы дѣтей, а онѣ у всѣхъ есть!..

— Ээ.. Богъ знаетъ, что ты плетешь, Маруся! Спи-ка лучше, можетъ быть тебѣ еще что-нибудь лучшее приснится, —говорила старуха, желая успокоить дѣвочку.

— Что-нибудь лучше повторила Маруся.—Но это было прекрасно, ничего не можетъ быть лучше маленькаго, хорошенькаго ребенка!.. Няничка! А когда я вырасту, то мнѣ уже можно будетъ говорить, что я хочу имѣть ребенка?—серьезно спросила дѣвочка.

— Никогда этого нельзя говорить!—отвѣтила няня, приглаживая ей волосы.

— Какъ это никогда? Вѣдь большимъ все можно?—сказала глубоко убѣжденная дѣвочка.

— Э, Маруся, еще совсѣмъ дитя, и не знаешь ты еще что можно, и чего нельзя, —засмѣялась добродушно старушка.

— Жалко!—прошптала задумчиво Маруся.

— Чего жалко?..—спросила няня.

— Того, что это былъ только сонъ, няничка!

А няня, обнявши Марусю начала напевать ей на ушко монотоннымъ голосомъ какъ сказку:

— Черезъ нѣсколько лѣтъ, ты, Маруся, вырастешь, будешь большаю, перестанешь учиться, одѣнешь длинное платье, будешь съ отцомъ всюду ѣздить, найдется тогда, Богъ дастъ, добрый и богатый молодой человекъ, который тебѣ понравится и ты ему тоже, тогда онъ поклонится отцу и попроситъ себѣ Марусю замужъ, Если папочка согласится и благославитъ, одѣнешь ты, Маруся, длинное, длинное бѣлое платье, длинную фату и поѣдешь съ шаферами въ церковь; а церковь будетъ хорошо освѣщена, передъ алтаремъ ты съ своимъ женихомъ станешь на колѣни и будутъ васъ вѣнчать. Потомъ ты поѣдешь уже къ себѣ домой, и будешь богата, важная дама... Ха, ха, какъ это будетъ хорошо. Будешь ты у себя царствовать какъ въ раю! А папочка будетъ радоваться, что его дочка такъ хорошо живетъ на свѣтѣ! Мамачка тоже будетъ съ небесъ смот-

рѣть и радоваться на свою дочку.

Маруся понемножку засыпала подь монотонный говоръ старушки, но когда та остановилась, дѣвочка широко открыла глаза и какъ-бы продолжала прерванную мысль.

— И, ты, няничка, тоже тамъ со мною будешь. Я хочу, чтобы ты всегда была со мною!..

— Хорошо, дѣточка! Хорошо, миленькая! А какже! И Максимовна пріютится тамъ гдѣ-нибудь въ уголку, у своей молодой барыни.

— А потомъ, правда, няня, у меня будутъ маленькія дѣти? Я хочу, чтобы онѣ такія хорошенькія были, какъ то, которое мнѣ сегодня снилось.

Максимовна уже только улыбнулась, видя что дѣвочка щуритъ глаза и засыпаетъ.

И души людскія имѣютъ свои разсвѣты, и ясныя зори, и освѣжающія росы!..

Вотъ въ ясной чистой душѣ полудѣвочки, полуженщины разсвѣло въ первый разъ святое чувство материнства — инстинктивная — всеильная жажда любви!..

Маруся потомъ узнаетъ, что на пути женщины есть многое „что можно и чего нельзя“.

Маруся узнаетъ, что хорошо воспитанная барышня должна скрывать материнскіе инстинкты, что хорошо воспитанная барышня должна краснѣть при разговорѣ о дѣтяхъ, но за то должна читать *Gur'a et tutti quanti* и разговаривать объ этомъ въ гостиной, — этого ей не запрещаютъ свѣтскіи кодексы.

Но теперь въ Марусѣ пробуждается маленькая мать, пока въ ней проснется когда-нибудь женщина!..

Маруся не краснѣетъ, потому что искренняя наивность не знаетъ стыда, и, пряча головку въ подушки, она шепчетъ:

— Ахъ, няня! Такая хорошенькая, бѣлая, миленькая, моя живая кукла!..

Ф. О.

Председательница общества женскаго профессиона. образования С. А. Давыдова. Членъ совѣта мин. нар. просв. графъ А. А. Мушинъ-Пушкинъ.
Председательница женск. взаимно-благотворит. общества В. И. Ковалевская. Членъ ученаго комитета мин. нар. просв. Е. П. Ковалевскій. Начальница женской гимназіи Э. П. Шаффе.

Представители Россіи на международномъ конгрессѣ по народному образованію въ Брюссель.

Преступница.

Разсказъ Анатоля Франса *).

около десяти лѣтъ тому назадъ или немного раньше я посѣтилъ одну женскую тюрьму.

Это былъ древній замокъ времени Генриха IV. Несмотря на давность

*). Переводъ „Д. Р.“.

времени, замокъ этотъ сохранилъ въ себѣ столько своеобразной оригинальности, богатой, порой причудливой индивидуальности, какъ будто передъ вами вставалъ во весь ростъ самъ бывший его властелинъ-феодалъ, съ своей также своеобразно оригинальной, не укладывающейся въ узко-опредѣленные рамки, причудливо-своеранной натурой. Замокъ стоялъ нѣсколько особнякомъ отъ другихъ строеній. Массивныя стѣны его, сѣрватаго цвѣта, были сильно поистерты. Высокія крыши, острокопечныя, въ готическомъ стилѣ, на цѣлую голову были выше крышъ другихъ домовъ маленькаго городка, ютившагося невдалекѣ, — сбоку замка; крыши эти, покрытыя черепицей стального цвѣта, давали порой замѣчательно красивый отблескъ.

Завѣдующій этой тюрьмой былъ человекъ 60—65; онъ носилъ черный парикъ, что было нѣсколько рѣзко въ сравненіи съ его густой, бѣлой боро-

дой. Это былъ удивительный тюремный начальникъ: онъ мыслить по своему и даже питалъ человѣчскія чувства, Онъ ничуть не обманывалъ себя насчетъ нравственности своихъ трехсотъ узницъ; но онъ также и не думалъ, что онъ въ нравственномъ отношеніи стоитъ ниже другихъ какихъ-либо трехсотъ женщинъ, — все равно какъ ихъ, — проживающихъ въ сосѣднемъ съ замкомъ городкѣ.

Когда мы проходили съ нимъ по двору, длинная вереница заключенныхъ оканчивала свою молчаливую прогулку и направлялась къ мастерскимъ. Между ними было много уже сильно пожившихъ съ несимпатичными лицами, на которыхъ видѣлось грубое притворство.

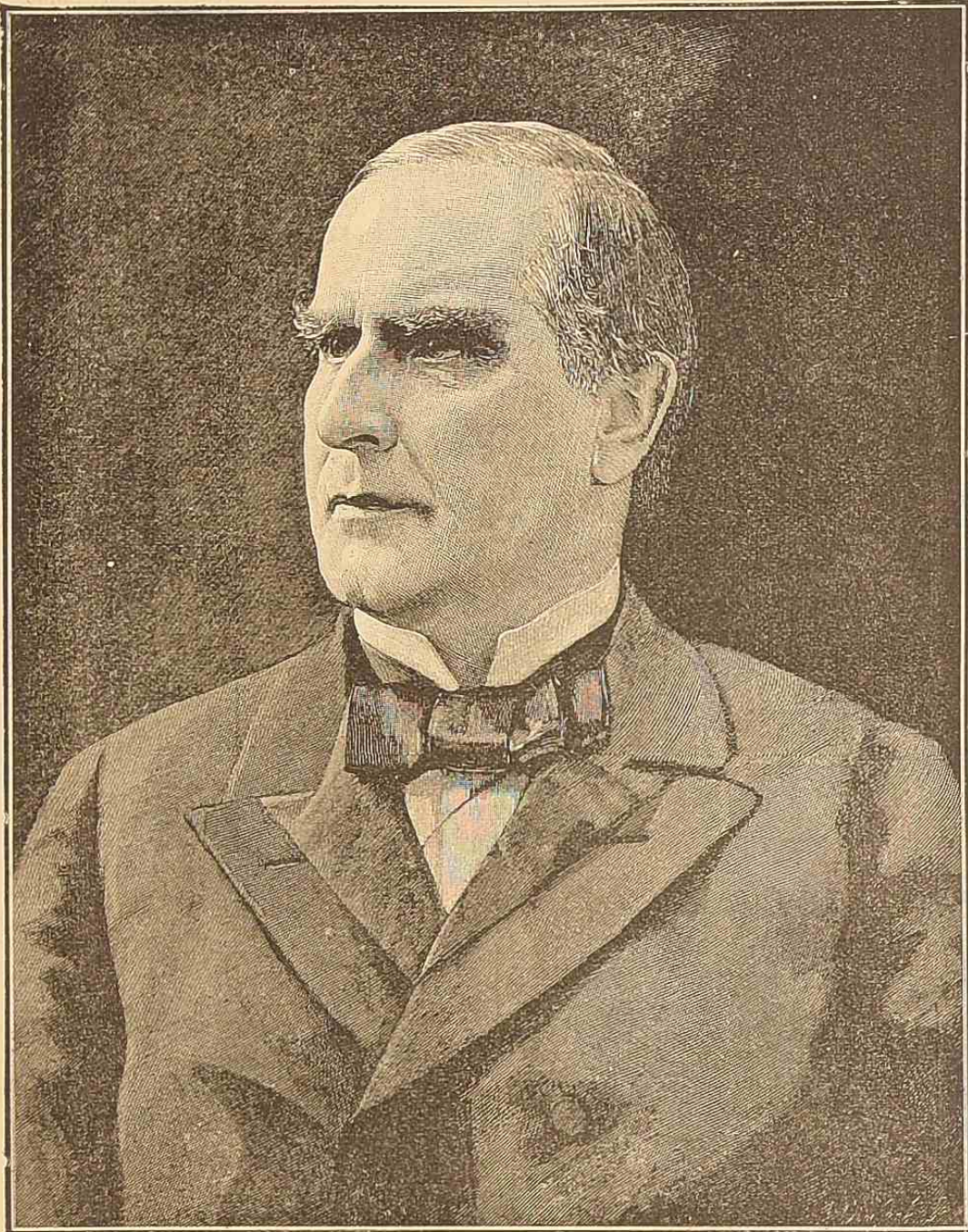
Мой другъ, докторъ Кабанъ, сопровождавшій меня, сталъ говорить тогда мнѣ, что все эти женщины носятъ на своемъ лицѣ характерныя черты типа преступницъ; чтокъ ослѣзаетъ очень часто замѣчается между ними; что рѣдко кто изъ нихъ не несетъ на себѣ слѣда, если не преступленія, то важнаго проступка.

Завѣдующій тюрьмой, въ отвѣтъ на рѣчь доктора, медленно покачалъ головой. И ясно видѣлъ, что онъ совершенно не былъ согласенъ съ теоріей ми врачей-криминалистовъ. Наоборотъ, онъ былъ твердо убѣжденъ, что въ современномъ обществѣ виновные далеко не всегда отличаются отъ невинныхъ и сто-

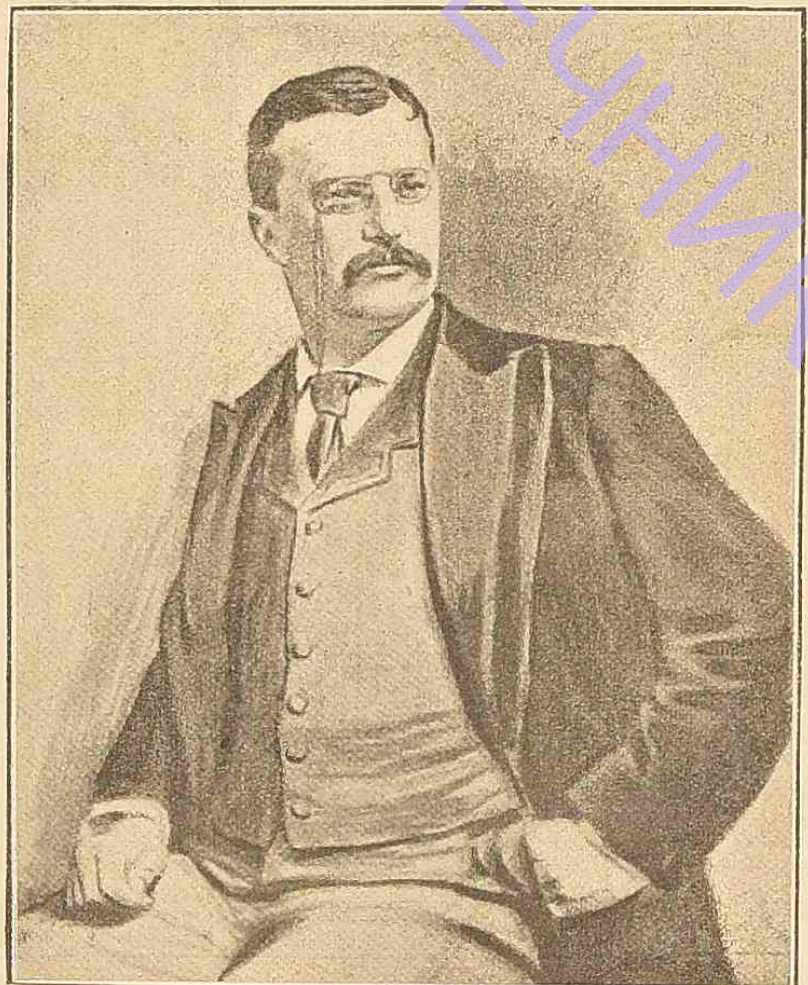
ятъ ниже ихъ.

Завѣдующій повелъ насъ затѣмъ въ мастерскія. Мы увидѣли предъ собою тѣхъ же „преступницъ“, но уже въ качествѣ булочницъ, прачекъ, бѣлошвейекъ и пр. Все было за работой. Кругомъ было очень чисто. Самый трудъ вносилъ какъ-бы немного оживленія въ монотонно сѣрую окружающую жизнь и обстановку.

Завѣдующій обращался со всеми ласково и мягко. Онъ не выказывалъ ни признака нетерпѣнія или нерасположенія даже тогда, когда сталкивался съ лицами самаго дурного, неуступчиваго характера. Онъ понималъ, что надо неизбѣжно дѣлать уступки тому, съ кѣмъ живешь, и что не слѣдуетъ требовать слишкомъ многого даже отъ тѣхъ, кто провинился и попалъ въ разрядъ преступниковъ. И, вопреки обычаю, онъ не требовалъ, чтобы воровки и сводницы вели себя образцово лишь потому, что онѣ попали въ тюрь-

Вильямъ Макъ-Кинлей
† 1-го сентября 1901 г.

Теодоръ Рузвельтъ,
новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ.

Г-жа Манъ-Кинлей.

му и подпали подь наказаніе. Онъ не вѣрилъ въ дѣйствительность наказаній въ дѣлѣ исправленія человѣка и отчаивался въ самой возможности исправленія.

Я заинтересовался и спросилъ какъ выше стоящая власть относится къ такому толкованію законовъ? Завѣдующій отвѣтилъ, что его непосредственное начальство часто дѣлало ему замѣчанія по этому поводу; но тогда онъ подводилъ ихъ къ выходной калиткѣ и говорилъ:

— Вы видите эту рѣшетку: она изъ дерева. Если-бы здѣсь заключили мужчипъ, то черезъ недѣлю ужъ никого изъ нихъ здѣсь не осталось-бы. Женщинамъ не приходитъ даже на мысль спастись бѣгствомъ. Но благоразумнѣе все-таки не доводить ихъ до крайности. Тюремный режимъ и безъ того не очень благоприятенъ ли для здоровья, ни для ихъ нравственности. Я складываю всякую отвѣтственность за нихъ, если вы наложите на нихъ еще пытку молчанія.

Больница и дортуары, которые мы затѣмъ посѣтили, были устроены въ громадныхъ залахъ, чисто на-чисто выбѣленныхъ. Отъ всего прежняго ихъ величія и роскоши сохранились только грандіозные камни изъ сѣраго камня и чернаго мрамора, надъ которыми возвышались величественныя статуи различныхъ богинь. Особенно бросалась въ глаза статуя Правосудія, сдѣланная въ 1660 г., повидимому, какимъ-нибудь итальянскимъ фламандскимъ скульпторомъ. Она была съ голой шеей, съ замѣтно выступившими изъ-за туники бедрами; жирной рукой она держала сбившіяся, по обыкновенію, съ пути вѣсы, чаши которыхъ ударили другъ о друга, какъ цимбалы; остріе своего меча она направляла грозно впередъ, словно гнѣваясь на полную испорченность вѣсовъ своихъ. Этотъ мечъ какъ бы указывалъ въ то же время на одну маленькую больную, лежавшую на желѣзной кровати съ матрадомъ, не толще плотно сложенной салфетки. Всякій не знавшій навѣрное сказалъ-бы, что это лежитъ ребенокъ.

— Ну, какъ? Чувствуете себя лучше? — спросилъ докторъ больную.

— О, да, гораздо лучше, — сказала она, слабо улыбувшись.

— Ну-ну, будьте благоразумной, и вы скоро выздоровѣете.

Она посмотрѣла на врача широко раскрытыми глазами, въ которыхъ выражалась радость и надежда.

— Она была серьезно больна, эта

крошка — обратился ко мнѣ докторъ.

Мы прошли дальше.

— За какой проступокъ она была осуждена?

— Не за проступокъ, а за преступленіе: за дѣтубійство.

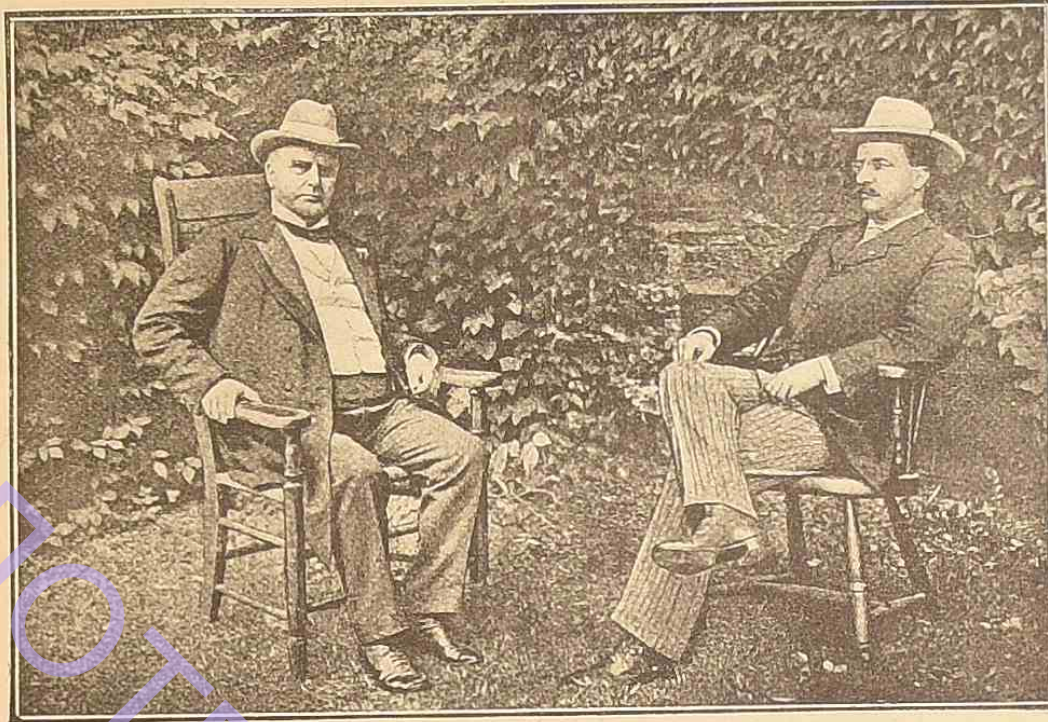
Въ концѣ длиннаго корридора мы вступили въ маленькую, довольно веселую комнату, всю сплошь уставленную шкапами и съ окнами безъ рѣшетокъ. Изъ оконъ былъ славный видъ на поля и живописно раскинувшуюся вдали деревню. Въ комнатѣ была женщина, поразившая меня кра-

это были дочери самого завѣдующаго тюрьмой; но онъ, точно догадываясь, поспѣшилъ сказать мнѣ, что эти женщины были изъ числа его узницъ.

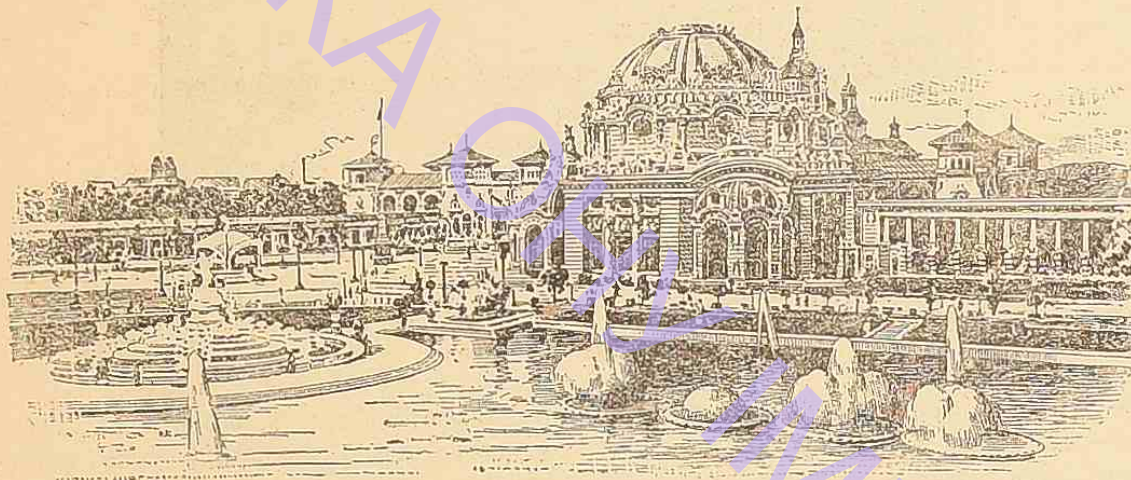
— Вы не замѣтили развѣ, что онѣ носятъ тюремный костюмъ? — сказалъ онъ, когда мы немного отошли.

Я совершенно этого не замѣтилъ, вѣроятно потому, что онѣ носили его иначе, чѣмъ остальные.

— Да, ихъ платья лучше сшиты и ихъ чепчики меньшихъ размѣровъ, такъ что позволяютъ видѣть ихъ волосы и даже прическу.

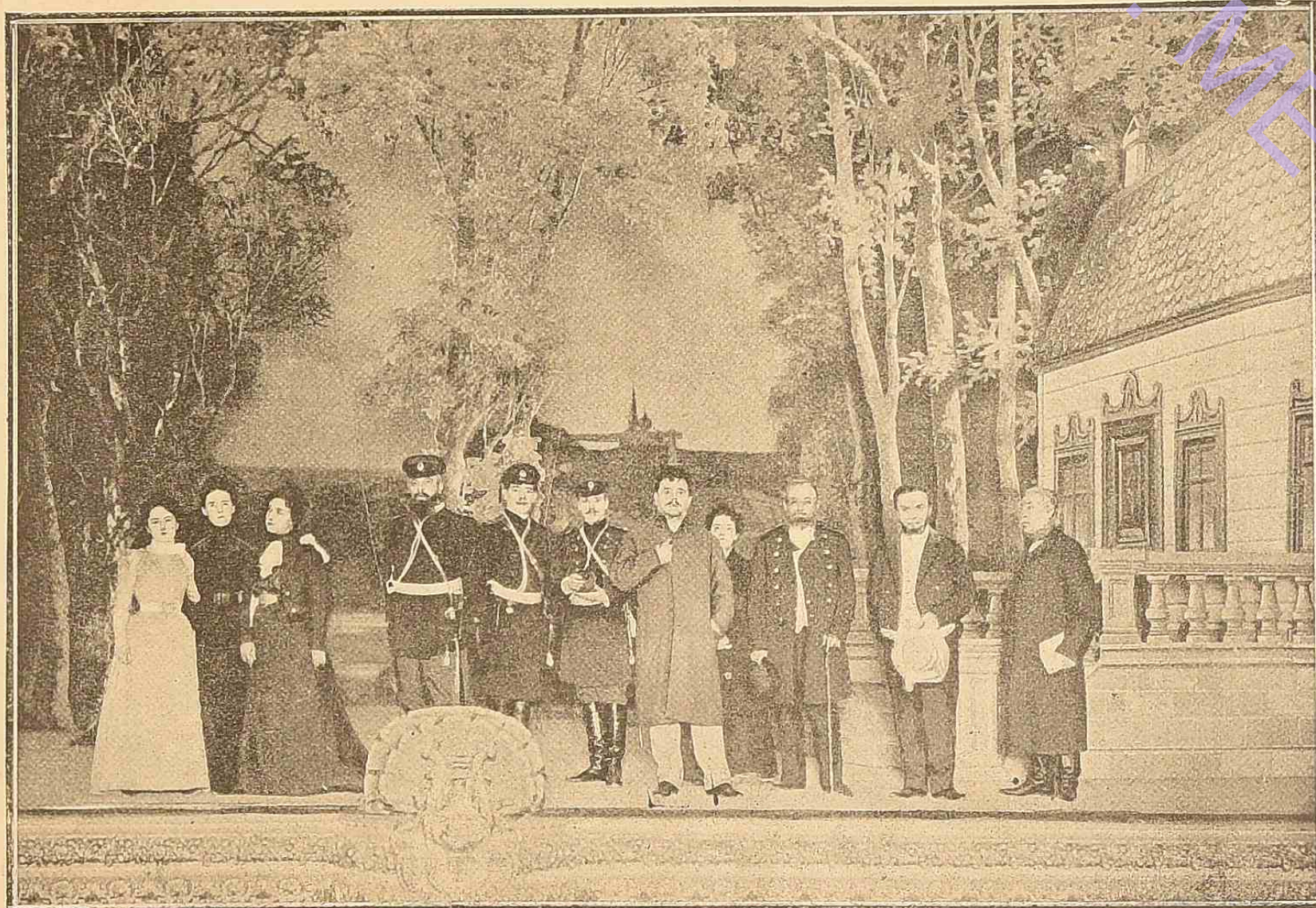
В. Манъ-Кинлей и Т. Рузвельтъ

„Храмъ музыки, на выставкѣ въ Буффало. — Мѣсто, гдѣ былъ убитъ В. Манъ-Кинлей.“

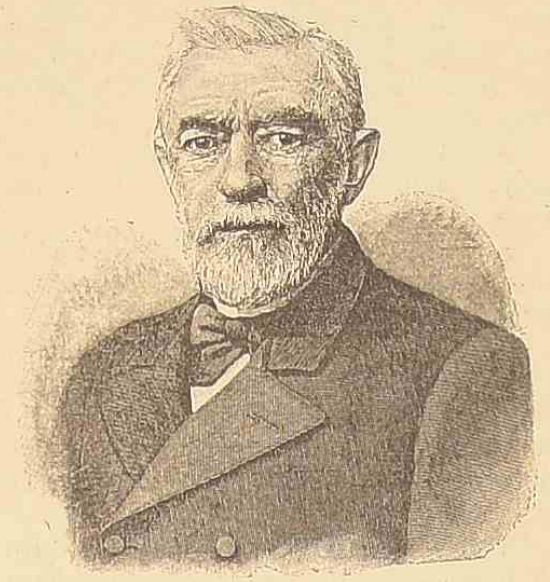
сотой. Она стояла предъ массивнымъ бюро и, низко наклонившись, что-то писала. Около нея была другая женщина, немного меньше ростомъ, но очень хорошо сложенная; она некала ключъ въ связкѣ, висѣвшей у ея пояса. Я-бы легко повѣрилъ, что

— Видите-ли — замѣтилъ съ улыбкой завѣдующій, — очень трудно запретить женщинѣ показывать свои волосы, если они хороши у нея. Эти двѣ женщины подчинены тому же общему тюремному режиму и принудительному труду, что и остальные.

„Три сестры“ А. П. Чехова, на сценѣ Городскаго театра. — Послѣдній актъ.

(Со снимка фотограф. Б. М. Подольскаго).

Іоанъ Фонъ Микель,

прусскій государственный дѣятель.
† 26 августа 1901 г.

— Что-жъ онѣ дѣлаютъ?

— Одна изъ нихъ архивариусъ, другая библиотечарша.

Не было нужды спрашивать: было ясно, что онѣ обѣ изъ категоріи „пассіональныхъ“ (*). Директоръ нисколько не скривалъ, что онъ предпочитаетъ такихъ преступницъ простымъ провинившимся.

— Я знаю ихъ; онѣ какъ бы совершенно чужды преступленію: оно было точно молніей, сверкнувшей на мгновеніе въ ихъ жизни. Онѣ способны и на прямодушіе, и на честность, и на великодушіе. Другое дѣло вотъ — мои воровки. Ихъ проступки, мелкіе, но часто совершаемые, всосались въ нихъ и образовали какъ-бы ткань внутри ихъ, основу ихъ характера. И эта низость характера, которая побуждала ихъ совершать предосудительныя поступки, выказывается и здѣсь на каждомъ шагу. Онѣ положительно неисправимы. Наказаніе, которому онѣ здѣсь подвергаются, сравнительно легкое для нихъ, и такъ какъ онѣ выносили физически и зарубѣли нравственно, то онѣ сносятъ его въ большинствѣ случаевъ крайне легко. Изъ этого конечно не слѣдуетъ, — замѣтилъ онъ живо, — что всѣ эти несчастныя не заслуживаютъ состраданія и что къ нимъ надо относиться лишь въ качествѣ посторонняго холоднаго наблюдателя. Нѣтъ, чѣмъ больше я живу на свѣтѣ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что нѣтъ виновныхъ, а есть только несчастные.

Онъ ввелъ насъ въ свой кабинетъ и приказалъ смотрительницѣ привести № 503.

— Я хочу вамъ показать сейчасъ нѣчто, повѣрьте, не подготовленное нарочно мною и что вѣроятно наведетъ васъ на рядъ новыхъ мыслей о преступленіяхъ и о наказаніяхъ. То, что вы сейчасъ увидите и услышите, я лично видѣлъ и слышалъ уже сотни разъ за время моей службы здѣсь.

Нѣсколько минутъ спусти въ кабинетъ вошла въ сопровожденіи надзирательницы пожилая женщина. Это была крестьянка: крѣпкая, грубая, почти безо лба и подбородка.

— У меня есть хорошая новость для васъ, — обратился къ ней завѣдующій. — Господинъ президентъ республики, узнавъ о нашемъ хорошемъ здѣсь поведеніи, простилъ васъ и сократилъ вашъ срокъ наказанія. Объявляю вамъ, что вы въ субботу

(* Лицо, совершающее убійство въ минуту страсти).

выйдете отсюда.

Женщина слушала слова завѣдующаго съ напряженнымъ вниманіемъ, полукривъ ротъ и сложивъ руки на животѣ. По мысли, видимо, туго работала въ ея мозгу.

— Въ субботу, въ слѣдующую субботу, вы выйдете изъ этого дома. Вы будете свободны.

На этотъ разъ она поняла. Ея руки поднялись какъ въ минуту отчаянія; губы ея задрожали.

— Такъ, значитъ, я совсѣмъ должна уйти отсюда? Что же будетъ со мной? Здѣсь меня кормили, одѣвали... Не могли-ли бы вы сказать доброму господину президенту, что было бы лучше для меня остаться здѣсь?

Завѣдующій предупредилъ ее, что ей будетъ выдано въ день отъѣзда 10—12 франковъ.

Женщина вышла, раздумывая объ общанныхъ деньгахъ.

Я спросилъ, за что попала она сюда.

Директоръ развернулъ регистрационную книгу и, перелиставъ ее немного, прочелъ мнѣ:

№ 503. Она была служанкой у богатого садовника. Она украла фартухъ у своихъ хозяевъ. Она здѣсь какъ „домашній воръ“. А вы знаете, вѣдь, какъ сурово караетъ законъ нашъ домашняго вора.

МОЙ ДРУГЪ.

(Съ польскаго).

У меня есть одинъ другъ сумасшедшій... Почему-бы мнѣ не позволить себѣ этого?... Отъ сумасшедшаго можно иногда больше пользы имѣть, чѣмъ отъ самаго умнаго и нравственнаго человѣка. Отъ

времени до времени я чувствую потребность навѣщать его.

Думайте обо мнѣ, что хотите, но я страшно люблю эти мои поѣздки къ нему. Я возвращаюсь всегда отъ него мечтательнымъ и задумчивымъ, ни лучшимъ, ни худшимъ, но совершенно другимъ, и мнѣ ужасно нравится это особенное состояніе моей души.

Если нормальнаго и сердечнаго друга можно назвать солнечнымъ лучомъ, который согреваетъ и освѣщаетъ своимъ блескомъ все окружающее, то моего безумнаго друга можно сравнить съ луннымъ свѣтомъ, не дающимъ многого, но притягивающимъ насъ необъяснимой прелестью.

Впрочемъ мой пріятель совершенно спокоенъ, его можно-бы скорѣе назвать манья-

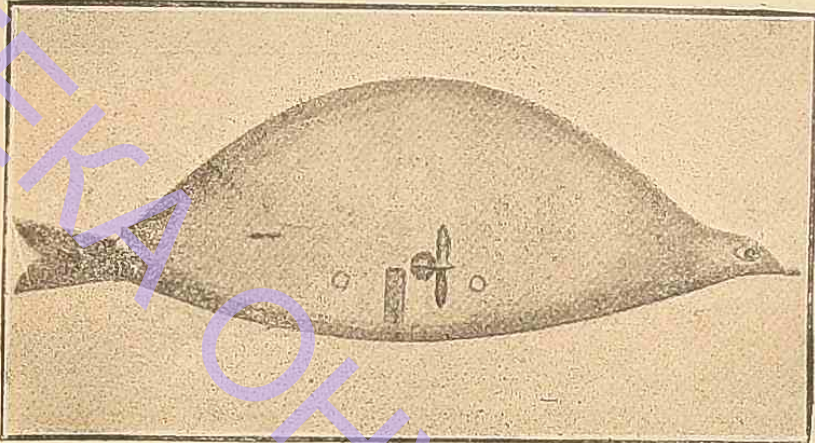
Общественная поѣздка членовъ общ. одесскихъ велосипедистовъ въ Ольгино.

(Съ фотогр. А. Фотакі).

комъ, чѣмъ сумасшедшимъ. У него бываютъ удивительныя галлюцинаціи: что онъ живетъ двойною жизнью и бываетъ одновременно и на томъ и на этомъ свѣтѣ. Этими своими впечатлѣніями онъ непременно долженъ для отчаянія, что никто не хочетъ его слушать и ему некому рассказывать своихъ видѣній.

Онъ кажется потому такъ горячо любить меня, что я умѣю его слушать. Впрочемъ для него мѣриломъ всѣхъ людей служитъ именно то, умѣютъ-ли они слушать его или нѣтъ и сообразно съ этимъ

еще чувствую у себя въ легкихъ этотъ чудный воздухъ, который я вдыхалъ полною грудью. Я встрѣтилъ тамъ массу знакомыхъ лицъ. Вы не можете себѣ представить какъ это все оригинально, прямо баснословно! Тамъ совершенно иныя правила, чѣмъ тѣ, которыми руководствуется свѣтъ! Тамъ не разсуждаютъ гостей по чину или по занимаемой имъ должности, какъ у насъ, а совсѣмъ иначе. Все какіе то простачки, но лица ихъ освѣщены такой удивительной добротой и простотой, что мнѣ прямо совѣстно было за мою пустоту. Подумай только! На первомъ мѣстѣ сидѣлъ какой-

Новый летательный аппаратъ въ формѣ рыбы, изобрѣтеніе англійскаго инженера Бюкензена.

онъ всѣхъ людей дѣлитъ на двѣ категоріи.

— Представъ себѣ—говоритъ онъ мнѣ вчера какъ только я открылъ дверь его каморки—удивительно интересныя новости! Я былъ приглашенъ прошлую ночь на ужинъ къ св. Петру. Неудобно было отказаться: такая честь! Подумай только! Такая честь мнѣ была оказана!

Ужинъ устроенъ былъ въ облакахъ!..

Какъ тамъ просторно! Я до сихъ поръ

то мужикъ, въ тулупѣ, оборванный, босой и такой бѣдный, что нельзя было видѣть его безъ сожалѣнія, но на лицѣ его былъ разлитъ какой-то особенный свѣтъ. А Наполеонъ, этотъ величественный „богъ войны“, съ гордой улыбкой услуживалъ ему, какъ бѣдный мальчишка!.. Но еще удивительнѣе—Матвѣй, нашъ старый пастухъ изъ Бровокъ, который всегда стоялъ у моего крыльца, не смѣя войти въ своихъ грязныхъ сапогахъ, сидѣлъ гораздо выше меня! Передъ каждымъ на столѣ такъ какъ у насъ „тепи“, лежалъ съ одной стороны списокъ всѣхъ добрыхъ дѣлъ, а съ другой всѣхъ дурныхъ. Вес, давно позабытое, ясно было написано, тамъ ты могъ видѣть ясно свою жизнь какъ въ зеркалѣ! Такъ какъ

передъ каждымъ было такое-же „Curriculum vitae“, то это никого не стѣснило, хотя страстно хотѣлось имѣть возможность стереть съ этой таблицы хотя бы одинъ фактъ!

Я припомнилъ, что такъ легко могъ-бы не совершить его, не поддаться искушенію, а однако... однако... Ахъ! Если я теперь снова буду жить, то уже я теперь хорошо знаю какъ нужно поступать; это такъ просто! Намъ только кажется, что жизнь такъ трудна, что мы должны уступить великимъ вліяніямъ, что нами властвуютъ случайности. Совсѣмъ нѣтъ, наше собственное „я“ только отъ насъ зависитъ и мы могли-бы имъ управлять какъ ребенкомъ, а тѣмъ временемъ именно оно распоряжается нашими поступками.

— А какъ мы неправильно судимъ о людяхъ! Ахъ еслибы уже окончилось это лѣченіе стѣсненнымъ воздухомъ, потому что эта лѣчебница одна изъ лучшихъ на всѣхъ болѣзни легкихъ, и вотъ меня здѣсь держатъ неизвѣстно для чего; да, только вотъ докторъ говоритъ, что нужно раз навсегда уничтожить всѣ эти бактеріи и тогда я могу хоть-бы сто лѣтъ прожить! Помнишь, какъ мы съ тобою философствовали еще въ гимназіи, что жизнь людская ни на что не пригодна. Теперь только я понимаю, что жить нужно, какъ можно дольше, чтобы успѣть сдѣлать много хорошаго! Понимаешь? Это такъ просто; намъ объ этомъ говорятъ еще отъ колыбели, однако можетъ быть потому что мы это такъ хорошо знаемъ, мы ищемъ чего-то большаго, а потомъ забавляемся фразами о самой широкой филантропіи... объ общественныхъ идеалахъ... Богъ знаетъ о чемъ, а въ то же время преслѣдуемъ свои эгоистическія цѣли, исполняемъ свои фантазіи и капризы, трагично время, здоровье и силы, не принося никакой пользы людямъ. Когда я теперь сверху смотрю на все племя людское, оно кажется мнѣ большимъ полемъ бурьяна и только кое-гдѣ замѣчается полный колосъ. Бурьянъ совершенно заглушаетъ колосъ!

И я до сихъ поръ былъ бурьяномъ, ты увидишь я теперь совершенно другимъ возвращусь. Увидишь! Но этотъ Матвѣй! Этотъ Матвѣй! Онъ не выходитъ у меня изъ головы. Тотъ, котораго я считалъ идиотомъ, съ которымъ обращался съ пренебреженіемъ, и тотъ имѣетъ больше заслугъ чѣмъ я! Ноггendum! Ахъ еслибы только скорѣе вернуться къ своимъ и начать новую жизнь, простую и хорошую! Вѣдь это такъ просто! Правда? Человѣкъ для того створенъ, чтобы дѣлать добро?..

Мой другъ увлекся собственными словами, глаза его необыкновенно горѣли, я испугался, чтобы этотъ долгій разговоръ не повредилъ ему... я началъ прощаться съ нимъ...

Машинально онъ подаль мнѣ руку, казалось, что онъ въ своемъ экстазѣ не видѣлъ меня; я уже уходилъ, какъ онъ еще разъ бросился ко мнѣ и закричалъ:

— Подумай только—Матвѣй, тотъ бѣдный Матвѣй, и онъ сдѣлалъ добра больше меня!..

Ф. О.

М О Д Ы.